

Александр Соболев (Москва)

ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ИЗ СТО ДЕВЯТОГО

Вряд ли найдется много желающих спорить с незамысловатым утверждением, что архивный поиск представляет собой одно из самых увлекательных занятий, доступных современному человеку. Ближайшие его типологические аналоги лежат далеко за пределами обыденной жизни: по объему монотонного уединенного труда, венчаемого редким блеском находок, он скорее напоминает далекие странствия прежних эпох. Из тех же времен пришли к нам и основные психологические типы путешественников: иные предпочитают подробное исследование мест, уже нанесенных на карту предшественниками; другие, напротив, устремляются туда, где не ступала еще нога человека. Венцом экспедиции, как и тогда, служит ученый отчет о ней (только вместо дубовых панелей королевского географического общества обрамлением ему становятся свежееотпечатанные листы малотиражного журнала). Ну и, конечно, вместо вешек, туриков и посланий в жестянке, символизировавших в былинные времена следы первопроходцев, нам остаются записи в архивных листах использования: увидев небрежный росчерк достойного коллеги, чувствуешь чаще не досаду («опередили!»), а приятное подтверждение и без того ощущаемой научной общности.

Среди обладателей определенной архивной квалификации (в нашей области таких можно пересчитать по пальцам двух рук) у каждого есть своя определенная манера поиска. Ее трудно было бы вербализовать, но инстинктивно ее ощущаешь: кто-то любит начинать с семейной переписки, постепенно расширяя концентрические круги вовлеченных родственников (как нотариус ранжирует наследников по близости к фондообразователю); иной, напротив, идет хронологически, от юности героя к его расцвету. Но есть, кажется, общая черта, роднящая большинство, — это почтение и интерес к документам, в архивном заголовке которых есть слово «неустановленный».

Причины этого очевидны: в принципе, нам очень редко приходится иметь дело с архивами неразобранными или полуразобранными (хотя случается и такое: бывало, что при спешной обработке бумаг все мало-мальски непонятное сбрасывалось в одну большую папку). Так что в любом случае формальным первопроходцем оказаться трудно: каждую выдаваемую нам единицу хранения некогда прочитали внимательные глаза архивиста. Тем заманчивее становится перспектива опознать авторство документа, перед которым спасовали при первичном обследовании фонда. Степень сложности подобного рода задач сильно зависит не только от самого архива (т.е. искушенности его сотрудников), но и от эпохи, когда проводилось описание. Цеховое предание сохранило целый венок курьезов с заголовками «письмо к неизвестному лицу с обращением „Дорогой Вадим Габриэлевич...“ „Уважаемый Осип Эмильевич...“»: конечно, все это давно выявлено и выправлено. Несмотря на это, фонды даже лучших из наших архивохранилищ, описанные в пору их научного расцвета, содержат еще немало подобных, до сих пор нераспознанных бумаг — многим памятна, например, изрядная порция островажных документов Б. Дикса (Лемана), хранившихся за титулом «неизвестного» и введенных в оборот Н.А. Богомоловым¹. Кое-что в этом роде приходилось ранее находить и нам². Ныне мы печатаем три документа

¹ Богомолов Н.А. Между Леманом и Диксом // *Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм*. М., 2000. С. 522–523.

² Одна из самых занятных находок — хранившееся в качестве «неизвестного» письмо юной О.Д. Форш к А.Р. Минцловой (напечатано нами: Еще раз к вопросу о теософском субстрате социалистического реализма // *Живой журнал*. 2011. 21.04. URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/142084.html>). О ценности документа косвенным образом свидетельствует его популярность в качестве объекта ученого воровства: с пафосом первооткрывательства и архивной ссылкой его опубликовали А.В. Чистобаев (*Чистобаев А.В. Творчество О. Форш 1910–1930-х годов в контексте русской культуры начала XX в.: Дис. ... канд. филол. наук*. СПб., 2015. С. 20) и Р.В. Нутрихин (*Нутрихин Р.В. Ольга Форш: Советский мистик из Ставрополя*. Пятигорск, 2014. С. 39, 47); впрочем, кажется, без этого краугольного письма их сочинения вовсе бы ничего не стоили. Замечательно, что оба они даже не удосужились навеститься в архив, чтобы сверить текст: в листе использования единицы ныне всего лишь две записи, обе — автора этих строк.

подобного типа, извлеченных из недр фонда, призванного служить Эльдорадо и Голкондой филологам еще нескольких поколений: архива Вячеслава Иванова в НИОР РГБ.

И. Карт. 10. Ед. хр. 71. Письмо к Вяч. Иванову от неустановленного лица с подписью «Н. С.», с посвящением стихотворения В. И. Иванову «Соседу-коллеге по любви к Классической философии [sic!]»¹.

Глубокоуважаемому и дорогому Соседу — коллеге по любви к Классической Филологии

Вячеславу Ивановичу Иванову

на память о встречах 1918 г.

в доме № 25 кв. 10 по Зубовск. бульваре [sic!] в объединенной семье Домового Комитета

от Автора.

Да будут Комитету
От членов дома в эту
Ночь — такие пожеланья:

Пусть крепнет, утвердится,
Пусть в средствах расширится
В высшем благосостояньи!

И в Новое пусть Лето
Все члены Комитета
Горя так пусть не узнают!

Все в том же единеньи
В взаимном попеченьи
Впредь да проживают!!
Н. С.

Автор этого послания — Николай Николаевич Соколов, преподаватель лица памяти Цесаревича Николая (в просторечии — Катковского). Благодаря исключительной распространенности фамилии идентификация его была задачей довольно непростой: разыскав некогда дело Московской городской управы об оценке домовладения на Зубовском

¹ Здесь и далее заголовок представляет собой дословную цитату из архивной описи.

бульваре, где жил Иванов после 1913 года, мы получили полный список его соседей (хоть и без подробностей). Далее, после проверки по адресным книгам, стало возможным выявить и минимальные биографические сведения о некоторых из них¹. Всеми данными о Соколове мы обязаны изданиям лица: в частности, известно, что он поступил в него в 1886 году и был выпущен в 1894-м с золотой медалью, окончив полный курс²; в 1898 году окончил университетские курсы при том же лицее по историко-филологическому факультету; далее работал там же учителем и тьютором. В справочнике 1909 года он значится как «тutor I кл., препод. русск. и латинск. яз. в том же классе»³. Осенью 1917 года Соколов сыграет мимолетную, но важную роль в биографии Вяч. Ив., взяв на себя переговоры с отрядом вооруженных большевиков, явившихся в дом на Зубовском в твердом убеждении, что они были обстреляны из ивановских окон, и желающих арестовать главу семейства. Соколову удалось их разубедить, так что Иванова, уже собиравшегося в тюрьму, оставили в покое⁴. Соколов занимал квартиру № 10, которая, собственно, и упоминается в письме.

На обороте этого послания Иванов, вообще щедрый на поэтические диалоги, начал набрасывать собственное стихотворение:

Труднее, чем за ветром,
Поспеть за буйным метром
Вашего, сосед, посланья!

А все ж — пушусь с разбега!
Благодарю, коллега
За благие пожеланья!

¹ См.: Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 3. М., 2018. С. 347.

² Списки бывших и настоящих воспитанников Императорского лицея в память Цесаревича Николая. Приложение к «Лицейскому календарю» на 1907–1908 учебный год. М., 1908. С. 38.

³ Календарь Императорского лицея в память Цесаревича Николая на 1907/1908 — 1908/1909 учебные годы. М., 1909. С. 747.

⁴ Эта история пересказывается в недатированном письме Л. В. Ивановой к Е. Д. Эрн, ныне подготовленном к печати А. Б. Шишкиным (которому пользуемся случаем принести большую благодарность).

На вечере вчерашнем
Сисситии домашнем

На этом набросок обрывается (заставив, между прочим, не один час посидеть над весьма неразборчивым, да еще и недописанным «сисситием» — древнегреческой общей трапезой), но история текста не заканчивается — поскольку в ивановском фонде среди черновых рукописей¹ хранится еще один карандашный набросок этого же стихотворения.

Труднее, чем за ветром,
Поспеть за вольным метром
Вашего, сосед, посланья!

[Пустьится, что ль] А все ж пушусь с разбега
И с [вашим] вами в лад, коллега
Спеть <Спою?> благие пожеланья

Домашней [sic!] сисситии
А с нею и России
скромным гимном
Vivat floreat crescat²

На этом заканчивается и он. Последовательность версий ивановской багатели неочевидна: кажется, естественным было бы набросать первый черновик прямо на обороте письма-триггера, но при этом запечатленный там вариант выглядит более отделанным. Неизвестно также, было ли это стихотворение закончено и отправлено адресату.

II. Карт. 10. Ед. хр. 65. Письмо к Вяч. Иванову от неустановленного лица с просьбой передать И. Гюнтеру, что это лицо прерывает с ним всякие отношения.

Очень прошу Вас, дорогой Вячеслав Иванович, будьте другом, исполните мою просьбу. К Вам в дом таскается Гюнтер и вы его выдаете, увидите, передайте ему, что я с ним знакомство мое прекращаю, а прекращаю за его болтовню дурацкую, что о С. П. болтал <с> Кузминым нагло и бессовестно.

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 71. Л. 1.

² Пусть живет, растет, процветает (*лат.*).

У этого Гюнтера стало нахал<ства>, что он может втерет<ся> и на торж<ество> аничковское, а мне не хочется ни какой истории подымать на анич<ковских> торж<ествах>, а кроме того, скажи я ему, что не хочу больше знакомство водить, он примет это по своему обыкнове<нию>, какой-нибудь причиной, лестной ему: ну, скажет, это я из ревности — а я не хочу, что<бы> он даже теперь подумал так, и вижу единств<енный> исход — сказали бы Вы ему. Отбрить его надо по-брюсовски.

Конечно, даже первые строки письма, не говоря уже про характерный почерк, выдают авторство Алексея Михайловича Ремизова¹. Само место этого послания в их хорошо изученном диалоге определяется с чуть меньшей очевидностью: переписка их сохранилась (хотя и не полностью) и давно напечатана², никаких сведений, относящихся к этому эпизоду, в ней нет. Явно черновой вид рукописи, представляющей собой клочок бумаги с недописанными словами, свидетельствует не только о том, что сочинялась она в гневе (это следует из самого текста), но, вероятно, и впопыхах: можно представить, что Ремизов зашел на «башню», не застал хозяев, начал писать записку — и в этот момент, например, они вернулись и дальше он передал свою просьбу на словах. Для практики Ремизова, более чем тщательно относящегося к собственным письмам, запискам и даже черновикам, настолько небрежно исполненный документ весьма нехарактерен.

Контекст письма реконструируется без особого труда. Иоганнес фон Гюнтер познакомился с Ремизовыми (и даже жил в их доме) во время своего первого петербургского вояжа; отправляясь тогда из Петербурга в Москву, он имел с собой рекомендательное письмо от Ремизова к Брюсову, до наших дней не дошедшее³; впрочем, уже тогда Ремизов

¹ За подтверждение нашей предварительной атрибуции и — особенно — помощь в прочтении трудных мест благодарим Елену Рудольфовну Обатнину.

² Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. ст., прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой, подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 72–118.

³ См.: Переписка [В. Я. Брюсова] с А. М. Ремизовым (1902–1912) / Вступ. ст. и комм. А. В. Лаврова, публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова, И. П. Якир //

не сдерживал легкого недовольства гостем: «Гюнтер давным-давно уехал. Так он надоел, страсть. Хвастунишка, не люблю таких»¹. В мемуарах Ремизов подробно описывал коллизию, связанную с постояльцем: будто бы он настолько зажился в их квартире, что пришлось выдать явившегося с неожиданным визитом херсонского знакомца за самого Савинкова — и, опасаясь тревожного пришлеца, Гюнтер якобы бежал².

Знакомство было возобновлено в следующий приезд Гюнтера в Россию, весной 1908-го. В своих подробных мемуарах он явно намекает на некоторое охлаждение, произошедшее между ними: «Состоялась новая встреча с Ремизовыми, во время которой мне показалось, что Серафима Павловна ведет себя как-то сдержаннее, в то время как ее муж совсем не изменился и в своей прежней манере, прихихикивая, рассказал несколько анекдотов»³.

Гораздо лучше документированы отношения Гюнтера с Ивановым. Одним из важных источников к хронике их отношений служит дневник Кузмина, особенно хорошо фиксирующий детали второй гюнтеровской поездки. В некоторые периоды 1908–1909 годов его имя возникает на страницах дневника почти ежедневно, причем существенная часть их встреч происходит на «башне». Впрочем, даже Кузмин,

---

Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 199. Запасливый немецкий поэт вез с собой и еще одну рекомендацию, от Вяч. Иванова (письмо от 9 апреля 1906 г.): «Гюнтер же едет все же в Москву и передаст тебе эти строки. Позволь тебя просить от себя (как этого желает Гюнтер) — принять его благосклонно и дружески. Думаю однако, что ты уже о нем осведомлен. Ты увидишь притом сам, какой это очаровательный юноша, полный молодым горением таланта, весь из ритмов и рифм, кроме того он заслуживает уважения как человек — *strebend nach den höchsten Zielen — und der immer strebend sich bemüht*» (Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 2016. С. 341; немецкий фрагмент переводится «стремящийся к высоким целям — и „чья жизнь в стремлениях прошла“» (нем.); вторая часть фразы — цитата из заключительной сцены «Фауста» И. В. Гете (из песни хора Ангелов; в пер. Б. Л. Пастернака: «Чья жизнь в стремлениях прошла, / Того спасти мы можем»)).

¹ Письмо Ремизова к В. Пясту от 20 мая 1906 г.; цит. по комментариям Р. Д. Тименчика: *Пяст В. Встречи*. М., 1997. С. 297.

² *Ремизов А. Встречи*. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 196–199.

³ *Гюнтер И. фон. Жизнь на восточном ветру*. Между Петербургом и Мюнхеном. М., 2010. С. 207.

даром, что был участником подразумеваемого в письме конфликта, не упоминает само столкновение вовсе. Предположительно датировать его можно по упоминанию «аничковских торжеств» — скорее всего, речь идет о чествовании профессора Евгения Васильевича Аничкова по случаю освобождения его из тюрьмы. Благодаря неукротимому политическому темпераменту арестовывался (и, соответственно, освобождался) он многократно. Одним из самых запоминающихся эпизодов был осенний 1903 года, когда он, пройдя таможенный досмотр, с облегчением сообщил по-французски своей спутнице: «ну, кажется, на этот раз мы свободны». Жандарм-полиглот немедленно вернул их в ревизионный зал, где при более тщательном изучении профессорского багажа из него была извлечена кипа запрещенного «Освобождения» (которое стало для Аничкова «Заключением», каламбурил хроникер)¹. Впрочем, единственный случай, когда окончание его отсидки сопровождалось хорошо документированным праздником, пришелся на осень 1909 года. Арестован он был не позже февраля: уже 11 числа он из тюрьмы интересовался у Иванова: «Напишите, что Вас теперь волнует? Что делают друзья: Блок, Чулков. О Сологубе иногда слышу»². В начале марта его жена, А. М. Аничкова, подробно описывала Иванову процедуру получения официального дозволения на свидание в тюрьме³. Освобожден он был около 20 октября 1909 года. Еще 17 октября Л. Д. Блок писала свекрови: «Приходил еще Пяст, сговариваться о банкете, который хотят устроить Аничкову по поводу его выхода из тюрьмы, как раз сегодня. Банкет маленький, без дам»⁴;

¹ Минцлов С. Р. Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. С. 47–48. Пяст относит этот эпизод к 1907 г. [с. 113], что маловероятно: «Освобождение» прекратилось к зиме 1905/1906.

² НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 36. Л. 6. Согласно биографической справке, составленной Вяч. Ивановым, «В 1907 и 1908 гг. А. отбывает новое 13-ти месячное одиночное заключение за участие в крестьянском союзе» (Новый энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., <1912?>. Стлб. 871).

³ Письмо от 7 марта 1909 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 18. Л. 2.

⁴ Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступ. ст. Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // ЛН. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 354.

впрочем, согласно другим сведениям, освобождение произошло только три дня спустя¹.

31 октября Кузмин упоминает в дневнике «комиссию по несчастному аничковскому обеду», в которую входил и Иванов². В результате торжественный обед в ресторане «Малый Ярославец» состоялся в 8 часов вечера 27 ноября 1909 года; среди присутствовавших были Ал. Блок, Вяч. Иванов, Д. Философов, Вс. Мейерхольд, В. Бородаевский, В. Пяст, С. Городецкий, Г. Чулков, А. Ремизов и К. Сюннерберг³; возможно, отсутствие Гюнтера означало успех ремизовской просьбы.

С. П. в письме — это, конечно, Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, жена писателя. Предложение «отбрюсовски» означает, что запомненная Гюнтером и переданная в мемуарах холодность Брюсова при прощании с ним была хорошо известна и в Петербурге⁴.

III. Карт. 26. Ед. хр. 12. Письмо к Л. В. Ивановой от неустановленного лица с подписью «Параша».

26 июня 1916 год.

Москва.

Милая Лидия, уже десять дней прошло, как получила твое письмо и до сих пор не могла собраться ответить на него. Очень и очень извиняюсь. В Москве такая скука, что отбивает охоту писать кому-нибудь. Ты может быть удивляешься на это и заявишь, что от скуки и пишут. О, нет! моя милая, когда человеку скучно, то он не может писать, потому что он может навести скуку большую на чтеца сего письма. Да что правда я! Уж целую страницу написала, а не сказала здрасте и не справилась о здоровье, как я обыкновенно начинаю писать. Ну, здрасте, Лидия Вячеславовна!

¹ См.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников. С. 354, в комментариях.

² Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисл., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 181.

³ Пяст В. Указ. соч. С. 126. Перечень гостей приводится в комментариях: Блок в неизданной переписке и дневниках современников. С. 354.

⁴ «Брюсов встретил меня с подчеркнутой вежливостью, но тут же принял позу усталого и заваленного рукописями директора издательства. С рассеянной улыбкой выслушал мой отчет о петербургском пребывании. Обозначил дистанцию. Разумеется, он ценит Вячеслава Иванова, но, к сожалению...» (Гюнтер И. фон. Цит. соч. С. 129–130).

Как Вы поживаете и какое уж [sic!] Вас самочувствие? Успешно ли идут Ваши уроки по английскому языку с Вашей ученицей. Вы думаете, что я не знаю, как Вы ехали на моторной лодке, так Вы жестоко ошибаетесь милостивая государыня. Я все знаю! Знаю, что сбоку Вас ехала немецкая подводная лодка. Теперь Вы очень далеко и высоко от нее, то Вы сознайтесь откровенно, ведь Вы очень трусили? Правда? Я б так очень и очень струсила бы. От страха пожалуй бы к ним прыгнула бы на крышу лодки. Мы Вас благодарим за поздравление и пожелание. Вас мы тоже поздравляем и всего лучшего желаем. Не ленитесь, не скучайте и нас не забывайте. Смотрите ж! Мы свою дорожку уж наметили и в будущем не будем раскаиваться. Так как мне это дело очень даже по душе. Мы уж мечтаем об этом очень давно и, надеюсь, сделаю это хорошо.

Время я провожу очень бессодержательно. Так как Борис Соломонович у нас совсем очень даже слаб, (у него отказывается работать сердце, очень часто задыхается, впрыскивают ему камфору и кофеин и доктор сказал, что он может быть проживет недели две, а может быть и меньше). Но так как у него сильный организм, то он все-таки борется. Он совсем не может ложиться, страшно начинает задыхаться и проводит все время сидя в кресле, то [sic!] Анне Алексеевне приходится сидеть с ним, когда нет дочерей. А мне тогда приходится немножко заботиться по хозяйству. Играю два раза в неделю в теннис с Котей или с Александром Борисовичем. Александра Борис. обставляю 6:2, а Коту проигрываю 6:2; 6:3, только один раз взяла у него 8:6. Александр Борисов. уже как с месяц играет каждый день (исключая тех дней, когда идет дождь, а их порядочно, потому что дождь в Москве идет очень часто) с тренером. Потом гуляю немножко на Девичьем поле, но не каждый день. Ну, вот описала тебе мое житье бытие и мое безделье. Читаю разные романчики и неорганическую химию (хочу иметь маленькое понятие о химии). Извиняюсь, что пишу на таком клочке, нет бумаги, а купить сегодня негде (не знаю как писать это слово) потому что воскресенье. Ах забыла тебе написать про Вязовова. Когда Ваш поезд ушел, и я с вашей Марфушей иду по платформе, вдруг вижу, идет Вязовов по платформе с грустно опущенной головой и меня не замечает (конечно, сделал вид, что не замечает). Но я все-таки его окликнула, хотела узнать, почему он так быстро исчез. Он говорит, что вернулся на то место, где мы были, но нас не застал и очень обиделся, потом отправился искать

тебя в вагон, но не нашел и так поезд уехал. Я по возможности его убедил в том, что обижаться здесь не на что. Мне показалось, что он успокоился. Передай привет своим. Поцелуй<й> себя, Веру Константиновну и Димочку. Поклонись няне от меня. Ну, прощай, целую тебя. Пиши, не ленись. Мне очень и очень даже приятно получать от тебя весточку, хотя она и идет до меня целых 9 дней. Кланяются Вам Александр Бор., Анна Алексеевна.

Прощай пиши. Параша.

Автор этого письма — Прасковья Михайловна¹ Васина (ок. 1898? — 1953). Она — дочь горничной Дуняши, работавшей в семье композитора Александра Борисовича Гольденвейзера. В поздних воспоминаниях он посвятил ей несколько абзацев:

Однажды к нам поступила в качестве горничной некая Дуняша Васина, женщина редкой красоты и необыкновенно романтического склада. Она была родом из Тульской губернии и была замужем, но муж ее был беспутный забулдыга и пьяница. В конце концов он бросил ее с двумя детьми; сам же пропал без вести. Дуняша оставила у матери девочку лет пяти, Парашу, и совсем маленького мальчика. Эта маленькая Параша, несмотря на свой младенческий возраст, как это было принято в деревне, должна была по отношению к своему братишке играть роль няньки. Кончилось это печально: случилась какая-то катастрофа, не помню, в чем она состояла, обварили ли его или что-то другое, словом, мальчик погиб. Дуняша обратилась к моей жене (тогда мы с женой уже жили отдельно от других членов семьи; с нами жил только мой отец) с просьбой, не разрешим ли мы ей перевезти из деревни ее дочку Парашу, которой в то время было лет семь, так как она боится, как бы и ее в деревне не постигла та же судьба, как и ее младшего брата. Жена моя, заручившись предварительным согласием Елены², сказала, что мы ничего против этого не имеем. Дуняша поехала в деревню и привезла свою Парашу — милую, хорошенькую девочку.

¹ Отчество «Васильевна», ранее упоминавшееся в литературе (см., напр.: *Гольденвейзер А. Б. Дневник. Тетради вторая — шестая. М., 1997*) и, в частности, принятое нами при публикации семейной переписки Гершензонов (*Гершензон Михаил, Гершензон Мария. Переписка. 1896–1924. М., 2018*), — ошибочно.

² Елена (Елена Андреевна) — прислуга Гольденвейзеров.

У Дуняши постоянно бывали романы, то с одним, то с другим. Я уже говорил, что она была изумительно хороша собой и как человек очень привлекательна, но необыкновенно горяча. Тут уж, как говорится, нашла коса на камень, так что, при дружеских отношениях, Дуняша с Еленой Андреевной вечно ссорились, причем предметом ссор в значительной степени была Параша. Елена Андреевна возымела к Параше необыкновенно горячие чувства, а Дуняша, которая постоянно была увлечена своими кавалерами, тем не менее, любила свою дочь и страстно ревновала ее к Елене.

Однажды Дуняша тяжело заболела: у нее поднялась очень высокая температура, были страшные боли. Пригласили друга нашей семьи, лечившего еще нашу мать, известного московского гинеколога, профессора Благоволина¹. Он констатировал у нее внематочную беременность и сказал, что необходима немедленная операция. Ее отвезли в городскую больницу, причем оказалось, что высокая (свыше 40°) температура вызвана тем, что, параллельно с беременностью, она заболела еще брюшным тифом. Ввиду остроты положения, несмотря на высокую температуру и тиф, ей пришлось немедленно сделать операцию, которую она не выдержала и умерла. Таким образом, маленькая Параша осталась у нас. <...>

Она впоследствии училась в «Капцовской» школе в Леонтьевском переулке, потом, закончив среднее образование, поступила в Московский университет. В университете Параша училась недолго, так как вскоре вышла замуж за некоего Павла Павловича Тикстона (по отцу англичанина), не знавшего, впрочем, ни слова по-английски. Он работал бухгалтером в одном из крупных московских спортивных учреждений. Это был очень красивый, приятный молодой человек, превосходный спортсмен, особенно увлекавшийся игрой в футбол. У них было две дочери — Лена и Наташа. Жизнь их в первые годы протекала счастливо. Муж Параша достаточно зарабатывал, и материально они пользовались относительным благополучием. Павел Павлович был на год или на два моложе Параша, и, по-видимому, с годами, когда красота Параша естественно начала тускнеть, у него начались всевозможные увлечения на стороне, которые кончились тем, что около

---

¹ Благоволин Сергей Иванович (1865–1947) — известный врач, семейный доктор Гольденвейзеров.

1940 года он завел роман с сестрой одного из видных спортсменов, разошелся с Парашей, оставил семью, продолжая их, впрочем, материально поддерживать.

Вернувшись из эвакуации, я узнал тяжелую историю о том, что Павел Павлович оказался замешанным в каких-то растратах, был арестован, попал под суд и был осужден на несколько лет ссылки. Таким образом, Параша оказалась в тяжелом материальном положении. Она где-то служила, жила с девочками нелегкую жизнь и в конце сороковых годов умерла¹.

Существенная часть сказанного подтверждается сторонними документами: Гольденвейзер ошибается лишь в годе ее смерти (в действительности она умерла в 1953 году)². Благодаря причудам знаточеской биографики жизнь ее мужа известна превосходно: дело в том, что он был одним из первых профессиональных советских футболистов, героем множества мемуаров, игроком московских команд КФС, «Красная Пресня» и «Пищевики». Арестован он был по нашумевшему делу братьев Старостиных.

Еще об одном немаловажном семейном сюжете Гольденвейзер по очевидным причинам умолчал: Прасковья Михайловна была предметом неразделенной страсти его брата Николая Борисовича и его зятя Константина Алексеевича Софиано³.

В 1913–1914 годах она училась на курсах Василия Вартановича Каспарьянца, преподавателя женской гимназии Ржевской. Там она познакомилась с Лидией Вячеславовной Ивановой, обучавшейся на тех же курсах со второго полугодия 1913 года⁴. Много лет спустя Л. Иванова вспоминала:

¹ Гольденвейзер А. Б. Воспоминания. М., 2009. С. 159–161.

² См.: Гершензон-Чегодаева Н. М. Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000. С. 66.

³ Там же.

⁴ Приходный ордер о внесении 125 руб. сохранился в архиве Иванова (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 49. Ед. хр. 14. Л. 51). Ср. в письме В. Ф. Эрн к Е. Д. Эрн от 23 сентября 1914 г.: «Лидия занимается на курсах Каспарьянца — чтобы сдать весной экзамен за седьмой класс и в консерваторию у Вильшау. Теперь она стала вставать в семь часов, так что я ее вижу только за ужином. Ввиду двойственности ее занятий, я называю ее „двуединой ученицей“. Она смеется» (Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступ. ст. и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 597).

Я поступила в Консерваторию и оказалась на 4-м курсе в классе Вилшау. Одновременно я записалась на курсы Каспарянца [sic!], подготавливающие в два года желающих получить аттестат зрелости (8 классов мужской классической гимназии), где я встретила Парашу. Мы были единственные девушки среди мужчин и естественно сдружились. Возвращались вместе по Пречистенке; я шла дальше на Зубовский бульв<ар>. Я стала часто посещать Парашу и таким образом близко познакомилась с А. Б. и Анной Алексеевной <Гольденвейзерами>; постоянно у них обедала. <...> Что же до Парашы — я с ней тесно дружилась 1½ года, пока я посещала курсы Каспарянца, помню ее сердечные драмы, а затем жизнь как-то нас разлучила. Я поступила в 8-й класс гимназии Хвостовой и кончила ее, она продолжала курсы, а затем поступила на медицинский факультет. У меня была консерватория, — мы были обе поглощены разными вещами. Фотография, кот<орую> Вы видели, 14-го года, и относится к маскарадному балу. Наташа мне говорила, что судьба у Парашы была очень несчастная¹.

Действительно, после 1917 года упоминания Васиной в переписке практически сходят на нет. Иванов передает ей привет в числе прочих домочадцев Гольденвейзера в письме к нему 28 апреля 1917 года («...приветствуйте... Прасковью Михайловну...»²); Лидия Вячеславовна спрашивала о ее судьбе в апреле 1923-го³.

Фотографию с маскарадного бала 1914 года Л. В. упоминала еще несколько раз. Об этом же бале вспоминала и дочь Гершензонов, связанная с семейством Гольденвейзеров родственными узами:

Лишь один раз за все годы моего детства родители устроили званный вечер. Это была встреча Нового года, либо 1915-го, либо, скорее, 1916-го. На встрече этой было много народу <...>. Были также все мамыны родные — отец, братья с женами и Таня с Котом⁴.

¹ Письмо Л. В. Ивановой к Е. И. Гольденвейзер (конец 1970-х годов) // Наставник: А. Б. Гольденвейзер глазами современников. М., 2014. С. 315, 317. Наташа — вероятно, Н. М. Гершензон.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 85.

⁴ Б. С., А. Б., Н. Б., А. А., Н. И. и Т. Б. Гольденвейзеры, а также К. А. Софиано.

Нас на эту ночь выселили наверх, в библиотеку. У Сережи¹ был грипп, повышенная температура, и потому нам не дали посидеть с гостями нисколько, мы были отправлены наверх до их прихода. Внизу между всеми четырьмя комнатами настужь распахнули двери, и гости располагались по всем комнатам. Три молодые женщины — Вера и Лидия Ивановы и подруга Лидии по гимназии Параша (воспитанница дяди Шуры) — нарядились в маскарадные костюмы. Они снялись в этот вечер, и у нас сохранилась такая карточка: Параша в наряде цыганки, Вера в большом тюрбане, Лидия тоже в чем-то восточном. Нам это все казалось ужасно интересным².

Помимо приведенного, разысканы еще три письма Васинной (и конверт от одного ответного)³: все они также хранятся среди посланий неизвестных лиц. Написаны они в 1914–1915 годах и в основном содержат сведения об учебе обеих корреспонденток. Единственное знаменательное исключение — подробный рассказ о несостоявшейся мобилизации А. Б. Гольденвейзера:

У нас из-за этой войны такое беспокойство вышло, что ужасно вспомнить. Как только объявили мобилизацию, то Александру Борисовичу прислали отрезок [sic!], по которому он должен был явиться в казармы и отправляться туда, куда пошлют. (Ты можешь себе представить, какое у нас было от этого настроение.) Так должны были бы поступить с Алекс. Бор., который никогда не служил, не умеет держать ружья (он был записан прямо запасным) и притом человек с больным желудком. Но к его счастью есть такой закон, по которому профессора освобождаются от военной службы и его пока впредь до особого распоряжения освободили⁴.

Печатаемое выше письмо относится к расцвету отношений Прасковьи Михайловны с семейством Ивановых. Парадоксальным образом это время — лето 1916 года — одно из наименее изученных в ивановской биографии. Это оборотная

¹ С. М. Гершензон, брат мемуаристки.

² *Гершензон-Чегодаева Н. М.* Указ. соч. С. 35.

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 14. Ед. хр. 30.

⁴ Письмо от 16 августа 1914 г. // НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 10. Л. 6 об.

сторона благополучия фондообразователя: практически все члены ивановского семейства находятся тогда вместе, так что переписка между ними не завязывается, а значит, и узнать об их обыденной жизни нам неоткуда. Л. В. Иванова вспоминала: «Летом 1916 года мы наняли вместе с Эрнами дачу в Красной Поляне — несколько десятков верст к югу от Гагр. Это был греческий поселок с несколькими дачами, построенными группой профессоров из разных университетов»¹. Таким образом, сообщаемые Васиной (в двойном пересказе!) подробности о дорожных перипетиях мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть. Кто была ученица Л. В., мы также не знаем — может быть Ирина Владимировна Эрн? Упомянутый далее Борис Соломонович — Гольденвейзер, отец А. Б., Н. Б., Т. Б. и М. Б. Гольденвейзеров. Он умер спустя несколько дней после этого письма, 6 июля. Анна Алексеевна — урожденная Софиано, жена А. Б. Гольденвейзера. Дочери — Татьяна Борисовна (1869–1955) и Мария Борисовна (1873–1940), жена М. О. Гершензона. Котя (он же Кот) — упоминавшийся выше К. А. Софиано, родственник Анны Алексеевны и муж Татьяны Борисовны.

Вязовов — весьма загадочная личность. Л. В. Иванова единожды, кажется, упоминает его в письмах: 2 июня 1914 года она сообщает, что приехала в Петровский завод к Вязовову, не застала его и сидит в буфете в Калуге². В ивановском архиве сохранились два письма Вязовова к Лидии Вячеславовне; оба они датированы тем же летом, и в одном из них он предлагает навестить его по случаю предстоящего солнечного затмения. Обратный адрес на них — квартира директора Николаевской гимназии в Калуге³. Директор этой гимназии — отнюдь не Вязовов, а, напротив, Сергей Васильевич Щербаков⁴ (это важно для дальнейшего). На этом синхронные сведения

¹ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и комм. Дж. Малмстада. М., 1992. С. 64.

² Письмо Л. В. Ивановой к Вяч. Иванову от 2 июня 1914 г. // НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 25. Ед. хр. 53. Л. 1.

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 37.

⁴ Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год. Калуга, 1912. С. 30.

иссякают и начинаются современные: на одном генеалогическом форуме под рубрикой «Вязовов» имелась запись (сейчас она уже удалена): «Мой дед — Валентин Алексеевич Вязовов (1880–1934) — сын купца Вязовова Алексея Сергеевича (1850–1905), одного из шести сыновей Вязовова Сергея Васильевича (1812–1885), проживавших в г. Арзамасе». Это удачно, поскольку лихой росчерк подписи на посланиях из 109-го фонда легко можно прочесть как «Вал. Ал.» — собственно, именно так их отправитель помечен в описи. Согласно данным генеалогического портала www.geni.com, В. А. Вязовов (годы те же) был женат на Татьяне Сергеевне Щербаковой (1882–1969) — без сомнения, дочери калужского гимназического директора. Таким образом, речь идет об одном и том же человеке — и, может быть, вслед за его точными датами жизни последуют впрямь и биографические подробности.

Марфуша — Марфа Кузьминична Федулеева, московская прислуга Ивановых. Ее полное имя мы знаем по счастливой случайности, благодаря обратному адресу на конверте, некогда содержавшему трогательное недатированное письмо:

Много уважаем Марий Михайловнай зравствуйте марий михайлавнай вичислаф иван вера константиновна лида вочславна посилаю вам свой привет мария михалавна я пасилаю вам третью писма атвас слуху нет я очень абидилась как ви гаварили марфуша ти нам шли а ми тибе пришлите пожаласта мне писмо и када мне ехать мама порпавилас пока писать нечива досвиданья пращу пожаласта пишите атвет паскарей целую целую вас всех

Наш Адрес

Станцые Богоявленски имения М. М. Любоцинского получить Марфи Кузьминишной Федулеевой¹.

Вера Константиновна — это, конечно, В. К. Шварсалон. *Димочка* — Д. В. Иванов. Имени няни (которая регулярно появляется в семейной переписке) мы пока не знаем. Вполне возможно, что необследованные до этих дней глубины и тайники 109-го фонда рано или поздно подарят нам и его.

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 67. Л. 2. Первый адресат — М. М. Замятнина.